

Дорин
ТОВИ

кошачий
ПЕРЕПОЛОХ

*Приключения самых известных
в мире сиамских кошек!*

Кошки и их хозяева

Дорин Тови

Кошачий переполох (сборник)

«Издательство АСТ»

1977, 1995

Тови Д.

Кошачий переполох (сборник) / Д. Тови — «Издательство АСТ», 1977, 1995 — (Кошки и их хозяйева)

Ее сиамцы – ангелочки и чертенята одновременно – покорили сердца миллионов читателей. Вот уже несколько поколений любителей кошек не устают смеяться и плакать, читая романы писательницы, и следить за смешными и трогательными приключениями синеглазых проказников. На этот раз нам предстоит не только встретиться с озорной парочкой – Сили и Шебалу, – но и познакомиться с другими четвероногими обитателями дома Тови: неутомимым искателем приключений Сессом, кокетливой Шантун, отлично понимающей, что ее сила в ее же слабости, и дерзким, неугомонным Сафрой, поистине способным внести новый смысл в понятие «сиамский характер»!..

© Тови Д., 1977, 1995

© Издательство АСТ, 1977, 1995

Содержание

Появление Сесса	6
Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Дорин Тови

Кошачий переполох (сборник)

Doreen Tovey

THE COMING OF SASKA

MORE CATS IN THE BELFRY

© Doreen Tovey, 1977, 1995

© Перевод. И. Гурова, наследники, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Intercontinental Literary Agency Limited of Centric House и Andrew Nurnberg.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Появление Сесса

Глава первая

Когда я сообщила старику Адамсу о нашем намерении снова отправиться в Скалистые горы – покатаемся верхом, сказала я, поищем гризли, которых в тот раз так и не увидели, а может, даже и волков, – он поглядел на меня как на ненормальную.

Бесспорно, он почти всегда смотрит на меня именно так. Мы с Чарльзом живем по соседству с ним восемнадцать лет с лишком, но в его глазах по-прежнему остаемся горожанами, а потому во всех житейских делах ничем, кроме слабоумия, не блещем.

Но теперь он взглянул на меня с еще большей жалостью, чем обычно.

– Тебе что, здешних зверюг мало? – осведомился он и добавил озабоченным басом, так как на самом деле очень к нам привязан: – Ты бы лучше ухо остро держала.

Я знала, на что он намекает. Взять хотя бы предыдущую неделю, когда мы вывозили бревнышки с нашей лесной делянки площадью в два с половиной акра. Ну, просто сцена из жизни лесорубов в канадских дебрях: Чарльз складывает бревнышки у дороги, а я нагружаю их на грубо сколоченные сани, чтобы Аннабель, наша ослица, свезла их вниз по склону домой.

Идею саней подсказала крутизна холма. Повозка на колесах с таким грузом скатилась бы вниз сама, подцепив Аннабель, а на полозьях груз аккуратно скользил позади нее, и его вес обеспечивал необходимое торможение. Ну а втащить пустые сани вверх по склону Аннабель и вовсе не затрудняло.

И работа эта ей страшно нравилась. Не желая особенно ее утруждать – в конце-то концов она такая миниатюрная, – сначала я привязала к саням два бревнышка. Они, видимо, показались ей не тяжелее пары воздушных шариков, а потому в следующий раз я добавила еще два... а затем еще два... и под конец она отправлялась вниз уже с порядочным грузом. И прямо-таки наслаждалась этим. Спускалась по склону с видом опытной, пусть и с ноготок, ломовой лошади, и на морде у нее было написано тихое самодовольство, так хорошо знакомое нам с Чарльзом!

Она терпеливо стояла внизу, пока я сгружала бревнышки на траву обочины перед коттеджем; волокла сани вверх по склону без единой остановки (при обычных обстоятельствах это мне пришлось бы волочить ее за узду, а она на каждом шагу тянулась бы хрюкать одуванчики); и снова терпеливо ждала, пока я нагружала сани... «Жалко, что мы не захватили фотокамеры, – сказала я Чарльзу, когда в очередной раз она начала спускаться, следуя за мной. – Хоть бы кто-нибудь увидел ее сейчас! Ну почему никогда никого не бывает рядом, когда она ведет себя так хорошо, как теперь?»

Ну что бы мне помолчать! Стоит Аннабель услышать слово «хорошо», и, поскольку ее девиз – вести себя прямо наоборот, к ней со скоростью звука возвращается обычное упрямство. Едва она спустилась вниз, как играть в ломовую лошадь ей надоело. К несчастью, я, приступая к разгрузке, наступила на веревку, привязанную к саням, а потому когда она зашагала к другой развилке дороги (то есть в направлении, которое не имело никакого отношения к перевозке бревнышек), то тащила за собой не только недоразгруженные сани, но и меня, так как моя нога запуталась в веревке.

И я боялась, не слишком ли ей тяжело? Она волочила сани и меня, будто весили мы не больше сухой бальзы. Дальше по дороге в этом направлении в трех милях от нашего дома расположено пастбище ее приятеля, осла по кличке Чарли, и, наверное, я проскользила бы весь путь туда на моей филейной части, если бы старик Адамс не разбирал завал ниже по ручью. Когда его голова высунулась из канавы, Аннабель шарахнулась и остановилась.

Я вскочила, ухватила ее за узду и объяснила, что случилось. Старик Адамс помолчал, уставившись на меня из-под полей шляпы с видом покорности судьбе.

– А хозяин-то где? – спросил он наконец.

Я сообщила, что Чарльз все еще на холме подтаскивает бревнышки к дороге... Да нет, я кричала ему, но за шумом ручья он меня не мог услышать, и вообще он там пел... И это явилось последней каплей. Голос у Чарльза очень хороший, но его привычка распевать, работая среди фруктовых деревьев, входит в список наших невменяемостей, который ведет старик Адамс.

Помнится, как-то Чарльз исполнял «На том холме на склоне» из «Роберта-Дьявола», стоя во фруктовом саду с вытянутой вперед рукой на манер Джильи; старался он, как ему казалось, исключительно для меня, и тут в паузу после звончайшего «Дья-во-о-о-л го-о-ордо сто-и-ит» ворвался знакомый голос с дороги: «Коли бы он полол, чем горло надсаживать, так, глядишь, и яблони среди крапивы можно б было рассмотреть».

Нет. За долгие годы соседства с нами, позволявшего ничего не упускать из того, чем мы занимались, убеждение старика Адамса, что смирительные рубашки пришлись бы нам в самый раз, только укрепилось. Мне было ясно, о чем он думает: если я не могу справиться с ослицей, запряженной в сани, так какие же у меня шансы против гризли?

Даже наши сиамы подкрепляли его точку зрения. Нашему силпойнту Сили тогда исполнилось четыре года, Шебалу, блюпойнту, – два. И за примером нашей бестолковости в отношении их долго ходить не пришлось бы: взять хотя бы случай с Сили и собачьим кормом.

Толчком послужил визит мужа дамы, у которой мы купили Шебалу, – он оказался по делам в наших местах и заглянул к нам.

– Господи, до чего же она выросла! – воскликнул он, просто не веря, что стройная, безмятежно изящная красавица блюпойнт, которая прошла через комнату походкой знаменитой манекенщицы, чтобы поздороваться с ним, – это та самая фитюлька с хвостиком-спичкой, карабкавшаяся вверх-вниз по занавескам в его доме. – Она же вдвое больше своей матери!

– Все деревенский воздух, – объяснила я. – И беготня по склону холма. Ну и конечно, ест она, как лошадь.

И тут мы заговорили о кошачьем рационе – им нравятся свиные сердца и нежирный фарш, сообщила я... но это же дико дорого... конечно, кошачьи консервы полезны да и дешевле, но они их почти не едят... И тут он сказал, что мать Шебалу тоже не жалуется кошачьи консервы, но теперь они кормят ее «Четвероногим другом». Вместе с их собакой – миска к миске, и она уписывает собачий корм, точно икру.

Ага! И в следующий же раз, когда я отправилась в деревню, я вернулась с «Другом». Собственно, табу на кошачьи консервы наложила Шебалу. Сили, наш покладистый обжора, ел их, если у него не было другого выхода. Просто казалось нечестным пичкать его консервами, когда Шебалу настаивала на свежем мясе. Но если ее матери нравится собачий корм, вдруг он придется по вкусу и ей? А тогда проблема будет решена. И дело было не просто в цене. Наш ветеринар давным-давно растолковал нам, что кошки обязательно должны съедать порядочное количество консервированного корма – особенно такого, в котором содержатся крупы. Если кошки не питаются исключительно мясом, у них больше шансов под старость сохранить здоровые почки.

Вот я и запаслась «Другом». Шебалу отказалась даже взглянуть, говоря, что ей все равно, какого о нем мнения ее мать. Да и Какие у Нее права, если она допустила, чтобы ее дочку забрали в Восьмимесячном Возрасте, негодующе прорыдала Брошенная Девочка при одной мысли об этом. Тут вмешался Сили: редкая вкуснятина, даже лучше кролика, заверял он нас, одобрительно чавкая. Откуда нам было знать, что стоит ему очистить свою миску и миску Шебалу, как картинки на банке окажется достаточно, чтобы его сиамский ум истолковал все это однозначно: он теперь собака? И каким образом могли мы предвидеть, что с этого момента он примется вести себя по-собачьи?

Начал он в тот же день. Когда я открыла заднюю дверь, чтобы выпустить их погулять в четыре часа, по ту ее сторону оказалась одна из наших соседок, которая как раз собралась опустить в почтовый ящик церковный бюллетень. Позади, поигрывая мышцами, стоял ее пес – могучий черный лабрадор. В обычных обстоятельствах Сили при виде его тотчас удрал бы в дом и укрылся под столом.

И как же, подкрепленный «Другом», он поступил на этот раз? Вытянул шею, зарычал, как сторожевая собака, и ринулся в атаку.

– Сили! – взвизгнула я, пикируя на него.

– Хвощ! – охнула дама, тщетно пытаясь ухватить своего пса.

Бок о бок мы кинулись за угол коттеджа, ожидая увидеть на лужайке бранные останки Сили, – и что же мы узрели?

Хвощ сидел, вжимаясь в песок дорожки, чтобы не кинуться наутек, дрожа, как желе, и прижимая уши в знак капитуляции... а к нему, точно Гэри Купер в «Полдне», грозно шагал наш маленький Сили, обычно такой робкий!

Я схватила его не без опаски – в подобном настроении он мог расправиться и со мной, – но он и в эту минуту не забыл, что я его друг, и позволил мне унести его с поля боя. Хвост он распушил, что твой дикобраз, и выкрикивал через мое плечо грозные предупреждения. Пусть только он еще раз сунет нос в нашу Долину, и он ему уши отгрызет, вопил Сили перепуганному Хвощу. Пусть только ступит лапой на нашу Дорожку, и он Его Съест. Обмочи Еще Раз столб наших ворот, и он... какую жуткую сиамскую кару это навлекло бы, мы не слышали. Я уже оставила его в оранжерее и заперла дверь.

Я извинялась перед нашей соседкой, сославшись на собачий корм, а она сказала, что, пожалуй, священник должен бы платить ей за риск. Мы посмеялись. Ведь никто не пострадал, так почему бы и не пошутить?... Однако неделю спустя Сили вновь проделал то же.

Случилось это на склоне холма в казенном лесу, где гуляла со мной и Шебалу. Они грелись в предвечерних солнечных лучах, охотились на мышей в папоротнике, взбирались наперегонки на елки... Шебалу взлетала по стволу без усилий, будто матрос на мачту, а Сили, как до него Соломон, вскарабкивался на четыре фута с торжествующим воплем: Вы Только Посмотрите На Него, и тут же плюхался на землю. Они устали резвиться и отдыхали рядом со мной на коврике, когда на дороге ниже по склону в сопровождении мальчика и немецкой овчарки появился мужчина, ведущий на поводу лошадь.

При обычных обстоятельствах (этому из соображений безопасности я научила их давным-давно) при виде собаки мы все трое бесшумно скрывались в кустах. Я чувствовала себя идиоткой, припав к земле среди папоротников и выглядывая из них вместе с парой кошек, но я считала, что личный пример значит очень много.

Однако на этот раз я и пошевелиться не успела, как Сили уже помчался в атаку вниз по склону. Правда, когда он добрался до дороги и овчарка на него залаяла, у него сдали нервы и он укрылся в каменных развалинах сразу за оградой – вечном убежище наших кошек. Но едва хозяин отозвал собаку, уверяя, что она его не тронет – она еще почти щенок и просто играла, – как Сили вылетел из развалин, точно пушечное ядро, в полной уверенности, что она его испугалась.

Впрочем, теперь она и правда испугалась и кинулась к хозяину, а Сили гнался за ней по пятам, как неумолимый мститель. Конь взвился на дыбы, – к счастью, седло уже было пустым. Как я умудрилась ухватить Сили, когда он пробежал мимо, право, не знаю. Помню только, что каким-то образом ухватила (рефлекторные действия – вторая натура владельцев сиамских кошек) и что на заднем плане мужчина повис на уздечке вздыбившегося коня, мальчик взобрался на склон от греха подальше, Чарльз как сумасшедший выбежал из фруктового сада, а на нижней дороге – безмолвный как рок старик Адамс, которого я даже в этот парализующий момент узнала по загнутым вниз полям его шляпы.

Порой я становлюсь в тупик при мысли, как ему это удастся. Срубите дерево в верхней части нашего леса, и оно еще не успеет упасть, как из-за стволов появляется старик Адамс. И не потому, что он услышал звук пилы и пошел на разведку, а просто он возвращался домой из пивной именно этим путем. Тихонько займитесь починкой садовой стенки – они у нас сложены из камней и постоянно обрушиваются, – и чуть положишь камень неудачно, так, что все снова разваливается, как по ту ее сторону возникнет старик Адамс.

Поэтому было лишь естественно, что он будет присутствовать при финале эксперимента с собачьим кормом. Прошло несколько дней, и мы перестали кормить Сили «Другом». Наша знакомая, тоже владелица сиамы, сказала нам, что ее ветеринар настойчиво не рекомендовал давать кошкам собачий корм. У разных видов животных, сообщила она, обмен веществ разный, и корма разрабатываются именно с учетом этих особенностей.

Мы задавались вопросом (хотя и убеждали себя, что погони за собаками были лишь случайным совпадением), изменится или нет поведение Сили, оставшегося без «Друга». Тем не менее мы оказались не готовы к столь разительной перемене: еще в среду Сили гонял немецкую овчарку, а в воскресенье, больше не получая «Друга», вновь от собак улепетывал он.

– Чего это он туда забрался? – осведомился старик Адамс, появляясь точно по сигналу, когда мы вновь приставляли нашу раздвижную лестницу к вязу в пятидесяти ярдах дальше по дороге.

Из листьев самой верхней ветки вниз смотрели два голубых глаза, совсем круглые от ужаса. Сили – подобно Соломону до него – в минуты опасности обретал способность взлетать вверх по стволу. Беда была в том, что – опять-таки как Соломон – наверху он становился жертвой головокружения и не мог спуститься вниз.

– И не говорите, что он гнался туда за собакой, – продолжал старик Адамс, который через восемнадцать лет был готов поверить о наших домашних друзьях чему угодно. То есть кроме святой правды: что Сили забрался туда при виде проходившего мимо миниатюрного корги.

Странно, не так ли, сказала я, что он гонял собак, пока мы давали ему собачий корм, а как перестали – они начали гонять его.

– Да уж, у вас бывает, – сказал наш сосед, человек немногословный, но бьющий в точку.

При подобных обстоятельствах не стоит удивляться, что его тревожила наша встреча с гризли.

Глава вторая

При нормальных обстоятельствах тревожилась бы и мисс Уэллингтон. Она вечно из-за чего-то тревожится. Не следует ли кому-нибудь указать, что за садом надо ухаживать немножко по-другому? (Ее собственный сад – там, где его удавалось разглядеть среди изобилия каменных гномиков и мухоморов, которые теснились в нем, точно фигуры на гобелене Байо, – был абсолютно безупречен.) Не грустит ли Аннабель? Мисс Уэллингтон проводила много беспокойных часов, размышляя над этим у изгороди, за которой паслась Аннабель, а так как Аннабель всегда ревела, когда мисс Уэллингтон покидала свой пост, она не сомневалась, что наша ослица нуждается в обществе друга. На самом-то деле Аннабель извещала мир, что мисс Уэллингтон скупится на мятные леденцы. Мы сразу узнавали ее негодующий рев по презрительному фырканью, его заключающему. Но мисс Уэллингтон любила тревожиться и волноваться. Жизнь сразу становилась настолько интереснее!

Она тревожилась из-за отопления церкви. Она тревожилась из-за того, к чему идет мир. Она очень тревожилась за нынешнюю молодежь. Это началось с тех пор, как она увидела по телевизору, на что они способны, а теперь – и потому-то она еще не впала в истерику из-за нашего намерения отправиться на поиски гризли – рядом с ней поселилась молодая, сугубо современная пара, и она тревожилась больше, чем когда-либо.

В глубоком убеждении, что все бородатые молодые люди полны зловещих намерений, а цветастые платья и бусы – признак легкомыслия молодых женщин, мисс Уэллингтон чуть не упала в обморок, когда увидела, как Бэннеты осматривают «Розовый коттедж». Эрн Бигс, соперник старика Адамса, когда в деревне у кого-то находилась работа для умелых рук, в тот момент трудился в огороде по соседству, и согласно его свидетельству она тут же удалилась в дом и заиграла на рояле духовные гимны. «О Бог, наш оплот в былые времена», – сказал он. Для того ли, чтобы отпугнуть их или в надежде заручиться небесной защитой, осталось неизвестным. Но так ли, эдак ли – толку от гимнов никакого не было: Бэннеты коттедж купили. Мисс Уэллингтон трепетно порхала по деревне в предвкушении худшего – коттедж превратится в гнездо хиппи, и не успеем мы оглянуться, как на выгоне будет устроен поп-фестиваль... А за неделю до их переезда все вообще насмерть перепугались.

То есть все, кроме нас с Чарльзом. Мы возвращались домой из города часов в десять вечера, свернули на перекрестке за «Розу и корону» и на момент тоже поддались панике, увидев, что «Розовый коттедж» залит прожекторным светом и из него несется оглушительная музыка – что-то вроде африканских барабанов. Однако едва мы проехали мимо, все встало на свои места.

Бэннеты показывали коттедж еще одной паре. (Родителям Лиз Бэннет, как выяснилось позднее.) Светозвуковой эффект явился результатом того, что они включили мощные лампы, которыми строители пользовались для работ в темных помещениях с низкими потолками. Днем, когда трудились строители, свет в глаза не бросался, но ночью незанавешенные окна били лучами, как Эддистоунский маяк. Затем, проезжая мимо в машине с опущенными стеклами (соседями мы интересуемся не меньше, чем все остальные), мы установили, что гремит Бетховен – возможно, по радио передавали концерт, а столь далеко звуки разносились потому, что дверь была распахнута – Бэннеты и их гости собрались уезжать, и Тим Бэннет уже гасил свет.

Однако в деревне распространилась другая версия.

– Ну и вечеринку же закатили вчера в «Розовом коттедже», – сообщил нам старик Адамс, когда принес нам порея.

– Свет жгли ну прямо как в лондонской пивной, – объявил Фред Ферри, когда мы повстречались на дороге.

Насколько мне известно, завсегдатаем лондонских пивных Фред никогда не был, зато он любит броские сравнения.

– Они там пили и такое вытворяли! – сообщал Эрн всем встречным.

Так он интерпретировал «лондонскую пивную» Фреда. Сам Эрн проживает в соседней деревне и лично ничего не видел.

Если бы мисс Уэллингтон услышала Бетховена, наверное, ее взгляд на будущих соседей заметно смягчился бы. Мисс Уэллингтон свято верует в культуру. Но она как раз уехала на пару дней в гости к брату и о случившемся узнала по возвращении из уст старика Адамса. Естественно, при поддержке Фреда Ферри и Эрна Бигса, которые очутились у ее калитки со всей быстротой, какую позволяли их сапоги. Мы такие добрые, сказала она нам, когда мы попытались изложить ей свою версию. Она понимает, что мы хотим ее утешить. Однако она не хуже нас знает, что такое современная молодежь. И ее ничто, ничто не удивит.

Мисс Уэллингтон всегда готова ко всему. Совсем недавно машину одного нашего соседа на повороте у церкви ударила другая машина, выскочившая на встречную полосу. Мисс Уэллингтон на это заметила, что в наши дни небезопасно выходить из дома, не приняв ванны. А когда я выразила недоумение, мисс Уэллингтон объяснила: «На случай, если вы окажетесь в больнице с травмами. Ведь неприятно попасть туда грязной, не правда ли?»

Предположительно, принимая ванну и с минуты на минуту ожидая начала соседских оргий, мисс Уэллингтон была в это лето чрезвычайно занята. Она блистала своим отсутствием во время наших приготовлений к сафари, что, пожалуй, было к лучшему. Нам только ее не хватало, чтобы окончательно полезть на стенку, – ведь она и дня не пропустила бы.

Столько надо было сделать, и столько людей втолковывало нам, как именно это надо делать! Для начала – починка ворот гаража. Вернее, одной створки – деревянной рамы, обитой тяжелыми металлическими листами. За долгие годы один столб подгнил, створка осела, и ежевечерне Чарльз тянул ее на место под ужасающий визгливый звук, а старик Адамс из месяца в месяц твердил, что надо бы нам привести ворота в порядок, а не то мы с ними наплачемся. Что, собственно, и произошло. Не только створка сорвалась с верхней петли, но в результате постоянного царапанья об пол от рамы отошла металлическая обшивка и погнулась вдобавок, и Чарльз заявил, что мы не можем уехать в Канаду, бросив ворота в таком виде.

Но почему, собственно, не можем, спрашивала я себя. Мы же оставляли их в таком виде всякий раз, когда уезжали, – подпирали лопатой, чтобы створка не рухнула, и никто еще ее не похитил. Да и в любом случае за ней скрывались только наша старенькая машина, шестнадцатифутовое каноэ (все наши соседи до единого сразу бы их опознали, если бы кто-то на них покусился) и куча всякого хлама, не нужного никому, кроме Чарльза. И даже он, иной раз казалось мне, вряд ли был способен найти применение для фотографии его тетушки Этель в юности с теннисной ракеткой в руке или для стрелялки без ступенек.

Однако Чарльз придерживался иного мнения, и вот уже вторую неделю он заменял гнилой столб на новый, выправлял молотком металлические листы, сколачивал новую раму для створки, каждое утро укладывая створку перед гаражом, чтобы легче было работать, и каждый вечер водворял ее на место.

Наши менторы, естественно, были в своей стихии.

– Говорили же тебе, что давно надо было починить их, – десять раз на дню повторял старик Адамс то мне, то Чарльзу.

– Все еще плот, значит, сколачиваешь? – ежедневно острил Фред Ферри, намекая, как мы поплывем в Канаду.

– Дал бы ты мне докончить, – с надеждой настаивал Эрн Бигс, на что старик Адамс указывал, что со створкой, уж конечно, будет покончено, если Эрн Бигс пройдет по ней молотком.

Но в конце концов работа была завершена – безупречно, как все, что делает Чарльз, хотя времени у него на это уходит многовато. После чего он створку покрасил – все в том же горизонтальном положении перед гаражом, а так как краска не высохла, в первый раз мы не закрыли гараж на ночь и утром обнаружили там гостей.

Мы их заметили еще накануне. Две измученные ласточки устроились отдохнуть на нашем телефонном проводе после тысячемильного перелета из Африки – знак наступления лета.

– Молоденькие! – заметил Чарльз. – Возможно, вылупились на ферме в прошлом году.

И, подивившись гигантскому расстоянию, которое они преодолели, и инстинкту, приведшему их выводить птенцов в этом тихом уголке Англии, где они сами увидели свет, мы вздохнули. Они же просто отдыхают. У нас они не останутся. В Долине ласточек не было. На ферме у вершины холма – да, они гнездились много лет в амбаре. А в Долине единственным подходящим строением была конюшня Аннабель, но ее крыша была для них, видимо, слишком низка.

И вот ласточки прилетели именно в тот вечер, когда ворота нашего гаража остались без створки.

Эта молодая пара (Чарльз сказал, что они напоминают ему Бэннетов) явно решила обзавестись собственным домом. Но ведь до их родного амбара больше полумили, и как они узнали, что у ворот нашего гаража снята створка?

На следующее утро они все еще сидели на проволоке, поглядывали на проем в воротах и иногда залетали в него. Они следили за всем, что происходило днем: как кошки отправились в огород поесть свежей зелени, как Аннабель вывели из конюшни и проводили на пастбище, как Чарльз второй раз покрасил покоящуюся на земле створку. Он старательно делал вид, будто не замечает их, но они-то его внимательно изучали, сказал он. Несколько раз самец дерзко пронёсся почти над самой его головой, а самочка, куда более осторожная, тревожно щебетала на проволоке, точно мисс Уэллингтон.

Ну и конечно, они поселились в гараже. Их можно было понять: высокие стропила, точно созданные для гнезда, глина для его постройки по берегам ручья, долина, полная насекомых, которые только и ждут, чтобы их поймали, и пара двуногих, видимо, как показала тщательная проверка, ничего против ласточек не имеющих.

О том, чтобы водворить створку на место, теперь не могло быть и речи. Так она и стояла, прислоненная к стенке, а старик Адамс говорил, что ничего-то мы толком сделать не умеем, Фред Ферри сообщал направо и налево, что мы не вешаем ее, поскольку не можем подогнать как следует, ласточки же влетали и вылетали, сколько им требовалось.

– И что ж будет, когда вы в Канаду уедете? – поинтересовался Эрн. Чарльз ответил, что к тому времени птенцы встанут на крыло.

Встали, и еще как! Неделю за неделей – когда нам необходимо было столько сделать! – мы наблюдали, как строилось гнездо, словно крохотная церковная кафедра под самой крышей, уютно примостившаяся на стропиле; как откладывались яички и затем насиживались. Птенцов вылупилось четыре, и тут стало ясно, как умно было выбрано место для гнезда. Они облюбовали стропило, которое смыкалось с балкой, протянувшейся во всю длину гаража, так что четверо птенчиков, еще не научившись летать, могли выбираться наружу, сидеть рядком, словно на трапедии, и следить за тем, что делалось в саду. Более того, указал Чарльз, если бы они сорвались, то упали бы в каноэ, подвешенное под ними на веревках. Такие предусмотрительные родители!

Бесспорно, бесспорно, хотя мы несколько перестали умиляться, когда как-то днем, собравшись потренироваться на реке, спустили каноэ на пол и увидели, как они его изукрашили изнутри. Четверо птенчиков сидели над ним, знакомились с миром... Впрочем, как сказал Чарльз, оно хотя бы уберегло машину.

А где же, можете вы спросить, все это время были кошки? Да в каноэ, если им предоставился случай. Они забирались на крышу машины, оттуда перебирались в каноэ и усаживались,

занимая обе секции. До ласточек они добраться не могли, а те это прекрасно понимали и не обращали на сиямов ни малейшего внимания. Мы тоже не беспокоились: против обыкновения, нам хотя бы было известно, где обретается наша парочка, – зато Эрн Бигс пережил настоящее потрясение, когда увидел их там. Он заглянул узнать, нет ли у нас какой работки. Я отправила его к Чарльзу, который возился в гараже, а он услышал, как ласточки щебечут, и задрал голову.

– А там эти кошки, – докладывал он позже в «Розе и короне», – расслаивают себе в лодке, точно полинезийцы какие-нибудь.

И как будто он к этому добавил, что, зная нас, не удивился бы, коли б они выплыли на чертовой лодке из гаража.

А мы продолжали готовиться. Повесить створку на место мы не могли, но дел все равно оставалось невпроворот. Привести в порядок сад, изучить карты и собрать снаряжение, а мне – так еще подзаняться верховой ездой.

Обойтись без этого я никак не могла. Мы намеревались навестить наших двух друзей на их ранчо в Альберте, и я прекрасно знала, что Чарльз, пусть в последний раз он сядет на лошадь неизвестно когда, все равно, как и в прошлый раз, лихо вспрыгнет в ковбойское седло и поскачет по склону, будто всю жизнь провел в этом седле. А еще я прекрасно знала, что мне, хотя я каждую неделю обязательно каталась верхом в нашей Долине, и мечтать нельзя, чтобы сравниться с ним.

Когда мы последний раз были там, на одном ранчо мне одолжили толстенькую кобылку по кличке Шеба, имевшую привычку умело сворачивать свое седло набок. Так что мне приходилось приноравливаться к перекошенной посадке – чтобы выравнивать седло после очередных ее козней. Я понятия не имела о том, как подтягивать подпругу. Впрочем, все это особого значения не имело: она и я, обе, знали, что, и опустив я на минуту поводья, опасность исчезнуть за горизонтом мне не угрожает.

Однако я решила, что теперь я ни с чем подобным не смирюсь. И я сумею не хуже Чарльза управлять своей лошадью, просто сидя в седле так, а не иначе и используя ноги. Я тоже буду сидеть с небрежной грацией, держа поводья в одной руке, а моя лошадь будет покорствовать каждому моему движению. И ради этого я усердно практиковалась на лошади из нашей прокатной конюшни, которую содержали миссис Хатчингс и ее дочь.

Как всегда, я ездила на Мио, втором номере конюшни. Мерлин, которому теперь было двадцать лет, местный патриарх, все еще оставался лучшим выбором для начинающих: нес их на себе бережно, точно младенцев, а когда решал, что они освоились в седле, сам переходил на рысь, опять очень осторожно, – просто, чтобы показать им, на что они уже способны. По-прежнему там был и Орешек, резвый каурый меринок, любимец моей подруги Тийны, медицинской сестры. И Пылкий, который как-то изобразил бьющего задом жеребца с Дикого Запада, пока я отчаянно цеплялась за его шею. И Келли, неизменно скорбная ирландская кобыла, и Алекс, могучий гнедой гунтер.

Что до остальных, Воин теперь находился на покое, Забуана купил человек, постоянно на нем ездивший, и забрал к себе в Эксмур, а Джаспер, высокий черный конь чистых кровей, погиб.

Трагедия разразилась внезапно, как часто случается с чистопородными лошадьми. У Джаспера начала побаливать нога, и ветеринар поставил диагноз – хронический артрит. Длительный дорогостоящий курс лечения, инъекции, опоры для больной ноги... Линн Хатчингс, обучавшая его еще годовичком, ухаживала за ним, как за ребенком. Все оказалось бесполезным. Вначале выпадали периоды, когда его нога вроде бы действовала нормально, но затем без всякой видимой причины он вновь начинал хромать. Если его держали в стойле, ноге становилось заметно легче, но он делался нервным и злобным. Если его пускали на пастбище даже в одиночку, он принимался носиться галопом, потому что для него в этом заключался смысл жизни, и боли в ноге возобновлялись. Под конец, когда ветеринар предпринимал последние

отчаянные усилия, чтобы его спасти, он оставался в стойле круглые сутки. Просто сердце над-рывалось смотреть, как он глядит вслед лошадям, отправляющимся на прогулку. Пылкий, его товарищ на пастбище в более счастливые времена, Мио, с которым он любил соревноваться в быстроте бега. А потом его, Джаспера, все счастье которого было в том, чтобы лететь по холмам как на крыльях, выпускали поразмяться, и он, мучительно хромя, бродил по двору.

Последний курс лечения не помог. Ветеринар сказал, что больше ничего нельзя сделать... и Хатчингсы печально согласились. Оставить его мирно пастись на покое, как Воина, было невозможно – боли в ноге с каждым днем усиливались... И вот Джаспера не стало – а ему еще не было и восьми лет. Его место занял Кречет, светло-гнедой конь чистых кровей, спокойный и уравновешенный, внешне очень походивший на Забуана. Пополнилась конюшня, что привело к множеству осложнений, и еще одним конем по кличке Варвар.

Глава третья

– Он вам понравится, ну совершенно в вашем вкусе, – заметила миссис Хатчингс, рассказывая мне о покупке Варвара. Я не совсем поняла, что она имела в виду. В моем вкусе был Мио – конь, которого я купила бы, будь это мне по средствам. На три четверти арабских кровей, стремительный красавец с изящными и сильными задними ногами. Сколько раз он подбирал эти ноги для своего знаменитого прыжка и уносил меня по лесной тропе, точно крылатый Пегас.

Нет, я сделала заметные успехи. Он уже не так часто вырывался из-под контроля, и в подобных случаях я уже не цеплялась отчаянно за седло. (На западных ранчо это называлось «тянуть кожу» и рассматривалось как вернейший признак городской никчемности.) Нет. Теперь я сидела уверенно и натягивала поводья, оспаривая у него каждый шаг. Он кружил на задних ногах... а я иногда поражалась самой себе.

– Блестяще! – кричала миссис Хатчингс. – А теперь легонько отпустите... Заставьте его сначала идти рысцой, а уж потом перейти на рысь.

Вот это у меня еще не получалось. Стоило мне ослабить поводья, и Мио уже летел как стрела, снабженная реактивным мотором. Но теперь я хотя бы слегка направляла эту стрелу, а не жмурилась, отчаянно держась за седло и вознося молитвы.

Так почему же миссис Хатчингс решила, что мне понравится Варвар? Он ведь второй Мио, сказала она. Стремительный, рьяный, покладистый, если всадник хорошо держится в седле. А мне полезно пробовать и других лошадей, тем более раз мы собираемся в Канаду, где я, конечно, буду менять их постоянно.

Я попробовала Варвара. Похожим на Мио он мне не показался. Рысь у него была более дробной. Он не переходил прыжком в более быстрый аллюр. Да, в стремительности ему отказать было нельзя, но он не артачился, не вскидывал голову, не поворачивал ее вбок во время галопа, как Мио. Чтобы попрактиковаться для канадских кряжей, Мио подходил куда больше, а к тому же мы с ним понимали друг друга. Будь наш участок более ровным и согласись Хатчингсы расстаться с Мио, то, как бы я ни зарекалась не держать лошадей, он жил бы у нас.

А потому я продолжала ездить на Мио, а Тийна испробовала Варвара и сказала, что он ей нравится гораздо меньше милого Орешка. Рысь у него не такая гладкая... да, бесспорно, быстрой рысью он идет хорошо... но вот ощущение состязания не возникает.

Я понимала, о чем она говорит. Недавно Тийна проделала эффектный трюк. Она придерживала ворота, выходящие на холмы, пропуская вперед всю кавалькаду, и попросила замыкающего подождать – не переходить на рысь, пока она не закроет за собой ворота. А он не расслышал и помчался за остальными. Возбужденный Орешек с внутренней стороны ограды взвился в воздух и опустился на землю хвостом к воротам. Тийна, полагая, что держит его под контролем, повернула его в сторону ворот, а он снова повторил свой маневр в другую сторону.

Тийна слетела с седла, а Орешек ускорился, и поймали его лишь с большим трудом. Естественно, все произошло потому, что ему показалось, будто остальные его бросили. Он вовсе не был норовистым. Но, заявила Тийна, падать ей никак не следовало. И вот теперь она упорно открывала все ворота, нарочно оставалась последней и заставляла его ждать, пока она их не закроет. Он по-прежнему каждый раз вертелся, точно юла, но сбросить ее ему больше не удавалось.

Вот это-то Тийна и ощущала как состязание с ним – и еще контроль над ним, когда он соревновался в скорости с Мио. А Варвар, каким резвым он ни был, казалось, двигался по рельсам и не ставил перед всадником никаких задач.

То есть так было вначале, а затем Варвар начал сообщать, что к чему. Просто у прежних хозяев на нем ездили совсем мало, а теперь его мышцы окрепли, и он составил мнение об

остальных лошадях... любую обойду, заявил он. И принялся это доказывать всякий раз, когда кто-нибудь выезжал на нем, и конные прогулки приобретали все более и более рискованный характер. Сперва мы только слышали, как он понес на прогулке другой группы... или увлек за собой всю кавалькаду, промчавшись мимо. А затем уже во время наших прогулок сзади доносился предостерегающий вопль Тийны, и мы только-только успевали посторониться, как мимо молнией проносился Варвар. Он становится все сильнее, утверждала Тийна... его просто невозможно удержать. Чепуха, говорила миссис Хатчингс. Просто у Тийны посадка недостаточно твердая.

Как, разумеется, и у меня. Факт к тому времени убедительно установленный. А потому неудивительно, что единственный раз, когда я села на Варвара, завершился полным фиаско. Мио и Орешек были в отпуске – летом все лошади по очереди отдыхали две недели, и вот они оба отдыхали на пастбище одновременно. И Тийна тоже отсутствовала, уехав на две недели в Северную Африку, откуда вернулась, пыжась от гордости, потому что промчалась быстрой рысью на верблюде.

Обычно туристы катались неторопливо, и верблюда вел за повод погонщик, но она объяснила, что в Англии скачет на лошадях, так нельзя ли прибавить шагу?.. И точно в ту же минуту, когда она помчалась по пустыне, поддерживая идею, что все англичане – сумасшедшие, я на ее чертовом Варваре чуть не сломала себе шею.

Как обычно, опозорила я на спуске. Первую половину прогулки я возглавляла кавалькаду, точно Наполеон на своем жеребце. Миссис Хатчингс отправила меня вперед, убедившись на опыте, что так безопасней для всадников, которые скорее всего не сумеют справиться с Варваром. Если он рванется вперед с этой позиции, то не увлечет за собой остальных, правду сказать, в этой позиции он и не рвался вперед, поскольку обычно проделывал это из желания доказать остальным лошадям, что он резвее их всех.

Она была совершенно права. Впереди, и только впереди, у меня не было желания бряцать на арфе среди облаков... Я пускала его шагом, рысцой, рысью и недоумевала, к чему такие предосторожности. Да, бесспорно, он стал сильнее с того раза, когда я ездила на нем, – даже когда он шел шагом, возникало ощущение, что сжимается стальная пружина. Но и при самом быстром аллюре он подчинялся поводьям, мне не приходилось бороться, чтобы он оставался, как постоянно бывало с Мио.

Увы, потом мы повернули обратно, и перед подковообразным поворотом миссис Хатчингс, памятуя о моем рекорде на спусках, посоветовала мне теперь замкнуть кавалькаду. Если я буду удерживать его вплотную к лошадям впереди, он не сможет прорваться между ними, даже если захочет. А спускаться они будут шагом, так что соблазна у него не возникнет, а когда мы минуем поворот... Ну, если он тогда понесет, я, конечно, сумею его осадить.

К сожалению, вперед он рванулся гораздо раньше. Мы спускались по склону к повороту, лошади сбились в тесную кучу, я была сзади. А справа от тропы тянулось усеянное валунами плато, так и манившее помчаться по нему. «Быстрее! Вон туда!» – фыркнул Варвар, видимо, смотревший по телевизору ковбойские фильмы. Ну мы и повернули туда с внезапностью одинокого всадника, зашедшего боевой отряд индейцев. Перемахивая через валуны, только-только минуя ямы, мы мчались, чтобы обогнать остальных лошадей... А те, взбудораженные маневром Варвара, уже сами неслись вперед, словно в погоне за преступниками, хотя тропы не покидали, так как впереди находилась миссис Хатчингс.

– Сядьте же! – крикнула она мне.

Но куда там! Варвар несясь вниз по склону с обычной дробностью. Я, вся мокрая от пота, цеплялась за его шею. Вот под его копытами снова возникла тропа. Ну, хотя бы валуны мы миновали благополучно.

– Края, края берегитесь! – надрывалась миссис Хатчингс.

О Господи! Еще одна ловушка. Мы пересекли тропу и теперь мчались по внутреннему изгибу подковы прямо по краю обрыва.

А я ничего сделать не могла. К тому времени прыжки Варвара освободили мои ноги от стремян, и мне оставалось только лхнуть к его шее и не разжимать рук. Впрочем, ничего такого не случилось, а когда поворот остался позади, так я даже вдела ноги в стремяна и умудрилась сесть прямо в седле. Вверх по склону мы взлетели, словно нас настигали апачи... но наверху остановились столь же внезапно, как ринулись в скачку, и мирно подождали остальных.

– Что же, этот урок преподан, – сказала миссис Хатчингс, поравнявшись со мной. – И все потому лишь, что вы не хотите твердо сидеть в седле.

Но она этого не повторила, когда довольно скоро у нее тоже начались неприятности с Варваром.

То ли таким было его естественное поведение, давшее о себе знать, когда он пришел в форму; то ли, ободренный победами над всеми нами, он решил сполна доказать свое превосходство; то ли миссис Хатчингс, наблюдая, что он проделывает с нами, на время утратила присутствие духа... Но факт остается фактом: наступило время, когда справиться с ним не удавалось и ей, и когда сзади доносился крик: «Дорогу! Быстрее!» – он вырывался у нее не реже, чем у всех нас.

Возникла любопытная ситуация. Она, как и утверждала, его не боялась, зная, что в седле усидит. Но, отправляясь на прогулку с детьми и с начинающими, ехать на нем она не могла – это служило плохим примером, если не сказать большего. В то же время ей необходимо было справляться с ним, когда он соперничал с другими лошадьми, – в остальное время он оставался послушным... Так когда же она вела с ним борьбу? Когда ездила со мной и Тийной.

Обычно наша группа состояла из четверых: Тийна, я, молоденькая женщина Пенни и ее муж Кит. Кит, отличный наездник, всегда брал Кречета. Пенни, более нервная, предпочитала Келли. С нами, говорила миссис Хатчингс, ей не надо соблюдать осторожность. Нас достаточно, чтобы перегородить дорогу, если она захочет остаться сзади. И мы достаточно умелы, чтобы не погнаться за ней, если она поедет впереди.

– Да-да, это вам вполне по силам, – сказала она, заметив, как я возвела глаза к небу. – Вы удержите Мио, если постараетесь.

И вот начались прогулки, во время которых не миссис Хатчингс опекала и подбодряла нас, а, наоборот, мы всячески ее оберегали.

– Подождите здесь, – говорила она, когда мы подъезжали к месту, где лошади обычно переходили на рысь. – Я попробую пустить его шагом.

И мы останавливались заведенным порядком. Мио и Кречет впереди, как самые резвые, чтобы, когда мы тронемся, они не столкнулись с остальными; за нами Орешек – если он начал бы со своего пируэта, мы смогли бы его заблокировать. (Тийна теперь ничего против не имела, но нам надо было думать о миссис Хатчингс.) И сзади всех – Келли: не только из-за медлительности, но и из-за манеры лягать обгоняющих лошадей.

И миссис Хатчингс выезжала вперед в гордом одиночестве, будто рыцарь на ристалище. Шаг... второй... Варвар начинал гарцевать.

– Замечательно! Он у вас шелковый! – ободряюще кричали мы сзади.

И тут она чуть ослабляла поводья, чтобы пустить его вперед... вулкан внезапно извергался, и Варвар уносился вдаль.

Но я тренировалась для прерий. В те животрепещущие мгновения, когда Варвар устремлялся вперед, Кречет, Мио и Орешек рвались за ним, а мы, чтобы дать миссис Хатчингс необходимую фору, упрямо мешали им.

Свой протест Кречет выражал, начиная выделывать курбеты и бить задом. И нигде, кроме родео, мне не доводилось видеть лошади, которая взмывалась бы так высоко. Кит, нахлобучив шляпу на глаза, подпрыгивал в седле. Я на Мио гарцевала боком, крупом вперед и кругами.

Орешек под Тийной пританцовывал позади нас. Как-то, пытаясь избавиться от мундштука, Мио попятился и наскочил на Кречета, выделявавшего очередной курбет. Мио полетел вперед, будто камень из рогатки, тоже отчаянно вскидывая задом.

– Ради Бога, поезжайте же! – взвизгнула Тийна позади нас. – Вы тут устроили цирк, и я Орешка не удержу!

И не ошиблась. Секунду спустя она промчалась мимо нас как молния и скрылась в облаке пыли, закружившейся над тропой. Кречет прекратил курбеты и кинулся за Орешком. Келли, на мгновение забыв ирландскую мрачность, проскакала сзади. До этого момента мне удавалось удерживать Мио – только потому, что я повернула его на сто восемьдесят градусов от того направления, которое его манило, – но теперь, мотнув головой, он вздыбился... повернулся, исполнил свой прыжок, и мы понеслись за остальными. «Как Рой Роджерс», – помнится, подумала я, когда мы завертелись в воздухе... Ах, если бы это все запечатлеть на киноплёнке!

Наши приключения с Варваром доставили бы кинооператору настоящее удовольствие. Одна резвая лошадь постоянно уносилась вперед по тропе, и несколько секунд спустя три другие, не менее резвые, устремлялись за ней. Иногда, когда мы нагоняли миссис Хатчингс в конце тропы, она успевала подчинить Варвара и он мирно пощипывал траву. В таких случаях мы переходили на легкую рысцу, чтобы не спровоцировать его на новый спурт.

Иногда мы допускали промашку, нагоняли его на половине тропы и тогда неслись вместе с ним. Кречет вскидывал задом, протестуя, так как, оберегая миссис Хатчингс, Кит не позволял ему обогнать Варвара. Мио, следовавший прямо за Кречетом, прядал в сторону, чтобы избежать его копыт, а оказавшись на траве сбоку от тропы, решал, что теперь самое время обойти их обоих. «Ну давай же! Не мешай!» – фыркал он, вытягивая шею, и я буквально растягивалась на седле, пытаясь его сдержать.

А один раз мы потеряли миссис Хатчингс в тумане. Правду сказать, это было довольно-таки страшно. Как сейчас вижу, она уносится вверх по тропе, туман смыкается за ней, и перестук копыт Варвара замирает вдали. Мы выждали дольше обычного, чтобы не нагнать ее в тумане, что грозило столкновением. И против обыкновения, удерживать лошадей было легко: они стояли спокойно и щипали траву. Возможно, туман приглушил топот Варвара настолько, что и они тут же перестали его слышать. Впрочем, они не забыли, что он где-то впереди: едва мы решили, что пора, и прикоснулись пятками к их бокам, как они помчались вперед, точно борзые. Мы дали им волю, зная, что Варвар получил большую фору, и полагали, что найдем его там, где наша тропа сливалась с другой, и, приближаясь к этому месту, придержали лошадей. Однако Варвара там не оказалось. Вероятно, миссис Хатчингс не удалось его остановить, решили мы, и она поскакала вперед. А потому мы снова ослабили поводья и понеслись дальше. Однако Варвар не ждал нас и у следующего перекрестка, а оттуда тропа уводила прямо на вересковые пустоши. До ворот оставалось четверть мили, но проехать через них она никак не могла.

– Разве что он их перепрыгнул, – сказал кто-то, и нам представилась страшная картина: Варвар ломает ногу на пустоши, миссис Хатчингс лежит в обмороке, а мы в тумане не можем ее отыскать... Туман к этому времени сгустился так, что мы и друг друга различали с трудом, а на земле и подавно никого не углядели бы.

– Я возвращаюсь, – заявила Тийна. – Держу пари, она осталась у той развилки.

– Я проеду к воротам, – сказал Кит. – Возможно, она ждет там.

И они скрылись в тумане. Мы с Пенни остались на месте и начали громко звать. Нам отвечало эхо, точно посмеиваясь над нами. Вернулась Тийна.

– Ее там нет, – сказала она.

И вот мы в тумане ждем Кита... но он так и не вернулся.

В конце концов мы все втроем направились к воротам, со страхом думая о том, что Кит мог там найти... Или же и с ним произошло несчастье, он не сумел остановить Кречета... Мы

намеревались ехать легкой рысцой – туман стоял перед нами стеной, и в любой момент из него мог появиться Кречет. Однако Мио не собирался тихонько трусить, когда другие носились галопом. Это случилось еще в то время, когда мне не всегда удавалось удерживать его.

И он рванулся вперед, Орешек и Келли кинулись следом за ним, и, разумеется, из тумана возник Кречет. Мы натянули поводья, как кавалеристы, – это у нас получалось недурно: ведь столько приходилось практиковаться!

– Ее у ворот нет, – сообщил Кит. – Я проверил, нет ли каких-нибудь следов, но не нашел ничего.

Мы повернули обратно к конюшне. Было ясно, что необходимо организовать поиски, и чем скорее, тем лучше. Линн Хатчингс знала пустоши как свои пять пальцев и как великолепная наездница сумела бы осмотреть их куда быстрее нас всех. И конечно, надо будет вызвать полицию. Со служебными собаками. Куда ближе всего можно доставить носилки? Мы поглядывали на ответвляющиеся тропы, но решили никуда не сворачивать. Их же было так много! А в тумане так легко не заметить ее! Нет, лучше поскорее добраться до конюшни и организовать настоящие поиски.

И поэтому мы с ней не разъехались. Она терпеливо ждала нас на Варваре в тумане на перекрестке, где мы ждали ее вначале. Она ждала нас там, объяснила она. Варвар вел себя безупречно, но тут она услышала, что мы летим по тропе чуть ли не галопом, и направила Варвара на боковую тропу, чтобы он снова не понес. И там она сидела, точно индеец-разведчик, когда мы, четверо, пронеслись мимо... Вероятно, заслоненная клубом тумана: во всяком случае, мы ее не увидели. Тогда она свернула на поперечную тропу, рассчитывая перехватить нас... Видимо, поэтому ее и не нашла Тийна... Но туман настолько сгустился, что она вернулась на перекресток, полагая, что мы сделаем то же, когда не найдем ее.

Обратно некоторое время мы ехали молча, ослабев после пережитого волнения, но потом я начала смеяться.

– Что тут смешного? – спросила Тийна.

– Собственно, это миссис Хатчингс должна была следить, не случилось ли с нами чего-нибудь, – сказала я. – А получилось, будто мы все здесь инструкторы, а она – единственная ученица.

Глава четвертая

Если в нашей деревне что-то случается, кто-нибудь обязательно это увидит. Например, в тот туманный день в лесу был Фред Ферри. Не спрашивайте меня почему – просто он словно бы всегда околачивается там, точно так же, как старик Адамс как будто всю жизнь просиживает в засаде у ограды нашего сада.

– Он говорит, – заявил старик Адамс, заглянувший поведать нам, о чем разглагольствовал Фред в «Розе и короне», – он говорит, ты там металась что твоя навозная муха под крышкой кастрюли с мясом, и никак не мог в толк взять, что такое происходит. А тут из тумана выскакивает этот парень, а вы все ну прямо в землю вросли, а ты впереди. Ну, он и понял, что они тебе нервы укрепляют.

Объяснять, как обстояло дело, не имело смысла. В Долине изумительное эхо. Сколько раз я стояла у себя в саду и слышала топот лошадей, несущихся галопом по лесной тропе. До того ясно, что я могла сказать, сколько их, когда они перешли на рысь, когда они вовсе остановились, и слышала голоса перекликающихся всадников. Точно так же очень многие слышали нас во время истории с Варваром... Отчаянный галоп, вопли: «Берегись!» и «Бога ради, придержите его!» – все эти звуки словно бы подтверждали версию Фреда Ферри, и история распространилась по деревне, как лесной пожар.

– А вы застраховались на эту поездку? – осведомилась одна из наших соседок, глядя на меня, а не на Чарльза, а мисс Уэллингтон, когда новость достигла ее ушей, немедленно навестила нас – в первый раз за несколько недель.

Она так тревожится, сказала она. Если ей за другими хлопотами удалось бы уделить нам побольше времени, то, наверное, она сумела бы уговорить нас отказаться от этой опрометчивой поездки. Но мы ведь знаем, сколько у нее было других тревог... хотя, слава Богу, все уже уладилось.

Нас это очень обрадовало. Когда мисс Уэллингтон чем-то поглощена, часто возникают самые неожиданные ситуации. Например, появление в деревне Бэннетов обернулось, в частности, тем, что навестивший ее священник обнаружил, что ему некуда повесить шляпу. Все восемь колышков на вешалке, обычно целомудренно хранящие ее шляпу для работы в саду, шляпу для походов за покупками и непромокаемый капюшон, были увешаны мужскими головными уборами. Фетровые шляпы, кепки, помятый котелок... Священник совсем растерялся, не зная, что и подумать, но тут выпорхнула мисс Уэллингтон, сдернула их и умоляюще сказала, чтобы он повесил шляпу где ему угодно, – эти тут просто, чтобы отпугивать посторонних.

В том числе явно и Бэннетов. Выяснилось, что в Лондоне у мисс Уэллингтон есть кухня, так у нее на вешалке всегда висит мужская шляпа, чтобы отваживать непрошенных гостей, и вдохновленная этим примером мисс Уэллингтон, по обыкновению, слегка перегнула палку, убедив себя, что восемь мужских головных уборов будут понадежнее. Она купила их на дешевой распродаже, и эффект получился впечатляющий. Священник после ее объяснений воспринял это зрелище спокойно, но молочник был просто ошеломлен – как и все прохожие, заглядывавшие случайно в открытую дверь.

Эти головные уборы породили в округе несколько интересных теорий – особенно с тех пор, как мисс Уэллингтон для пущего правдоподобия завела манеру открывать заднюю дверь и через нерегулярные интервалы выкрикивать «Фрэ-энк!» в сторону сада. Вслед за чем, по утверждению некоторых наблюдателей, она тихонько кралась вдоль изгороди, отделявшей ее участок от бэннетовского, под покровом сумерек, держа над головой палку с одной из шляп. Фред Ферри, естественно, клялся, что видел вполне живого мужчину.

– И что ни вечер, то нового, – расписывал он, опираясь на многочисленность шляп.

Хотя никто ему не верил, слухи росли и ширились, а потому было приятно узнать, что эту свою маленькую фантазию она исчерпала. То есть нам хотелось думать, что исчерпала.

К открытию, что Бэннеты были, по ее выражению, «такие же, как мы», ее через несколько недель привела тревога из-за того, что вопреки деревенскому этикету она не нанесла им визита. Как, впрочем, и почти все остальные. Во-первых, оба они работали и до вечера отсутствовали, а во-вторых, теперь этот обычай почти забыт, и в-третьих, они, бесспорно, казались странно-ватыми. Что касается нас, последнее скорее выглядело причиной для визита, поскольку мы сами слышем странными, но мы были заняты приготовлениями к поездке в Канаду... Как бы то ни было, она дотревожилась до обычного состояния ожидания кары от Всевышнего, если она тут же не сделает того, что должна была сделать. И вот мисс Уэллингтон как-то вечером робко постучала в дверь Бэннетов, держа бутылку своего бузинного вина. Лиз пригласила ее войти, и, когда она увидела шесть черепашек, которые, расположившись полукругом, грелись у камина Бэннетов, ее сомнения, сказала она нам с глубочайшей серьезностью, сразу же рассеялись.

Конечно, сомнения большинства людей только укрепились бы, тем более что каждая черепаха помещалась в отдельном шлепанце. Но к мисс Уэллингтон это не относилось.

– Милый мальчик с детства обожал черепашек, – сообщила она нам в полном восторге. – В детском садике у них жила черепаха в песочнице, и за ней плохо ухаживали, так он еще тогда добился, чтобы ее отдали ему, и стал о ней заботиться. А милая девочка сажает их в шлепанцы, потому что пол каменный. Они забирают их на ночь из вольеры, потому что две из них простужены... И эти милые дети каждый вечер топят камин, чтобы черепашки не мерзли.

И еще (для точности) потому, что неумно радовались настоящему камину у себя в гостиной: им нравилось смотреть на горящие поленья. До зимы было еще далеко, и черепашки служили прекрасным предлогом, хотя, без сомнения, им нравилось тепло. В свой срок их увидели и мы. Веер из шести шлепанцев перед камином, в двух уже спят две маленькие черепашки, а четыре большие упрямо карабкаются друг на друга, вытягивая шеи навстречу волнам жара, наверное, напоминавшего им карибское солнце, а Лиз тем временем подогревала молоко для простуженной пары.

Добавьте к этому, что Бэннетам не только понравилось бузинное вино, но они занялись приготовлением собственного... Теперь все свободное от черепашек место перед камином занимали булькающие галлонные банки и две оплетенные бутылки. Мисс Уэллингтон была наверху блаженства. Тим с его бородой, сообщила она нам, выглядит совсем как ее отец на фотографии в ее спальне, где он снят молодым... а я заметила, что красные флорентийские бусы, которые носит Лиз, точь-в-точь такие же, как ее собственные, пусть они и голубые? Да, я заметила. Как заметила сходство их платьев с неясными цветочными узорами с той лишь разницей, что у мисс Уэллингтон они были подлинными двадцатых годов, а Лиз довольствовалась модными копиями. Они могли бы сойти за мать и дочь... а вернее, за племянницу и чудаковатую тетюшку. Корабль мисс Уэллингтон наконец-то прибыл в тихую гавань. Теперь она могла изливать свои заботы на пару птенчиков.

Как и мы. Только у нас их было четыре. Они все еще безмятежно занимали наш гараж вместе с родителями, и не было никаких признаков, что они собираются его покинуть, а до нашего отъезда оставалось две недели. Створка гаражных ворот все еще прислонялась к сливе – объект предположений старика Адамса и его приятелей... Хотя, честно говоря, к этому времени на нас свалилось столько бед, что гараж без створки был сущим пустяком.

Начало им за четыре недели до нашего отъезда положила Шебалу, заболев и отказавшись есть. Что само по себе было чем-то неслыханным. За два года жизни она еще ни разу не отворачивалась от мисочки, и обычно ее приходилось изолировать в прихожей, пока Сили, неторопливый гурман, доедал свою порцию, не то бы она уписала то, чего он не успел проглотить. В течение дня мы наблюдали, как она чахнет прямо на глазах, подобно героине «Травиаты»: никнет на полу, такая хрупкая; томно отворачивает голову, когда мы ставим перед ней еду,

отвечает нам слабеньким голоском, означающим, что она вот-вот отойдет в мир иной, но прощает нам нашу Нечуткость... И мы вызвали ветеринара. Нам нельзя рисковать, объяснили мы ему. Если у ее хвори инкубационный период, мы должны знать заранее. Мы же не только не сможем уехать, если она заболит, но даже если она успеет поправиться до нашего отъезда, мы не сможем отправить ее в Лоу-Нэп – это будет опасно для других кошек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.